
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Русские писатели и публицисты о русском народе. СПб., 2016. — 284 с.

Петербургский историк, переводчик и архивист Дамир Соловьев собрал высказывания крупнейших русских писателей и публицистов различных направлений (славянофилов, западников, социалистов, консерваторов) о России и русском народе — от Пушкина до Набокова, от братьев Аксаковых до Розанова. Он обратился не только к художественным и публицистическим произведениям, но и к дневникам, письмам, путевым заметкам. Как и следовало ожидать, по любому вопросу суждения противоречивы. Яркий пример: история России. Уже увидела свет «История государства Российского» Карамзина, а П. Чаадаев находил в прошлом России «лишь тусклое и мрачное существование, без жизненной силы без энергии». Отповедь Чаадаеву в письме к нему дал уже А. Пушкин, напомнив о славе предков и буйстве отечественной истории: «Гордиться не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Пушкину вторил и М. Погодин: «Если бы, кажется, об России не было известно ничего, кроме того, что она произвела Петра, Суворова и Ломоносова, и тогда она имела бы право на бессмертие. Ни древняя, ни новая история не представляют им равных». Государство и отношение к власти, византийские корни в мироощущении русских, гражданское общество и причины его неразвитости в России, необходимость просвещения и образования, своеобразное понимание свободы у русского человека, пороки и добродетели представителей разных сословий — эти вопросы на протяжении всего XIX — начала XX века занимали умы выдающихся отечественных литераторов. Не без проекций на день сегодняшней: «...что за слабая натура у русского человека, что он становится мошенником, как скоро переходит в чиновника! Как будто он не знает, что должно переносить и туда понятия честности и правды! Как будто чиновник перестает быть христианином!.. Как будто уже звание чиновника мешает русскому человеку быть честным» (И. Аксаков). Волнующей темой весь XX век оставалось отношение Запада к России, его откровенная недоброжелательность к восточному соседу. «Нас считают гуннами, грозящими Европе новым варварством. Профессора провозглашают это с кафедр, стараясь возбудить в слушателях опасения против нашего могущества» (А. Никитенко, 1843 год). И, конечно, шли поиски причин этой самой недоброжелательности, самые прозорливые обнаруживали их в историческом инстинкте непримиримой вражды двух духовных просветительных начал христианского человечества, начала латинского и православного. По собственным, вынесенным из заграничных вояжей наблюдениям одни литераторы заключали, что иностранцы — «низшая порода», другие, что «низшая порода» — их соотечественники. «Я начинаю русских ненавидеть», — писал Огареву А. Герцен. «Беда жить в России», — вздыхал Г. Успенский. Противно было иметь дело с крестьянами М. Салтыкову-Щедрину. Мнения и оценки России, русского народа рознятся — от любви до ненависти, противоречат авторы не только друг другу, но подчас и сами себе. При пестроте суждений каждый из современных читателей найдет близкое себе. Составитель сборника Д. Соловьев во вступительной статье пишет, что особенное его внимание было обращено на поиск благоприятных свидетельств о России и русских, однако такие свидетельства оказались в меньшинстве. И общая картина, с учетом того, что при отборе высказываний он не пропустил ни одной положительной оценки, для него самого оказалась во многом совершенно неожиданной. Д. Соловьев не

делает обобщений, он просто представляет дотошно собранный материал для дальнейших выводов исследователям и читателям. Один из выводов может быть таким: именно в XIX веке корни нашего нынешнего самоедства, именно «чаадаевщина» и «отчизноедение» лучших умов, сыграли не последнюю роль в подготовке трагедий русских революций. Диагноз поставил еще В. Розанов, поставил, когда Россия «слиняла в два-три дня», когда «не осталось ни Царства, ни Церкви, ни войска»: «Суть Руси в том, что она не уважает себя. ...Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих „разложителей“ России ни одного нет нелитературного происхождения». А несколько раньше писал А. Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Работать надо, работать с любовью и верой». Среди разноречивых, взаимоисключающих высказываний есть и те, что актуально, согревающе звучат сегодня: «...силы России заключаются не в одной ее армии, а в духе всего народа, который всегда был готов скорее видеть свои дома и имущества в объятиях пламени, нежели в руках неприятеля. И с этим народом пришлось бы иметь дело всякому врагу, вторгшемуся в пределы России» (Н. Данилевский); «Следовало бы понять раз навсегда, что в России нет ничего серьезного, кроме самой России» (Ф. Тютчев).

Ариф Сапаров. Дорога жизни. СПб.: ООО «ДВГ Групп», 2016. — 224 с., ил.

Давно подзабытая, а многим и неведомая патетика, когда «сердце уже не вмещает переполнивших его чувств сыновней любви и благодарности к отцу и вождю, спасшему наше Отечество». Тексты выступлений и призывов великого Сталина и руководителя ленинградской парторганизации Жданова и — констатации того, как они воодушевляли ленинградцев. Ничего удивительного: книга печатается по изданию 1947 года, и в ней отражен дух времени. Но главное в ней то, что она — ценнейший документ о создании и работе ладожской «Дороги жизни», спасшей в годы блокады сотни тысяч жизней ленинградцев. Писатель и журналист Ариф Сапаров (1912—1973) — непосредственный участник и первый летописец героических рейсов по трассе, связавшей осажденный Ленинград с «большой землей». Его, корреспондента газеты «На страже Родины», Политуправление Ленинградского фронта направило на оперативное освещение строительства и работы ледовой трассы. Он не раз на себе испытал, каково водить грузовики по льду под обстрелами врага и налетами бомбардировщиков через неожиданно возникавшие полыньи, в суровые морозы и метели, во время весенней распутицы. Он видел, как зарождалась «Дорога жизни», в каких условиях работали люди, как ледовая, без конца и без края белая равнина превращалась в хорошо оборудованные широкие автострасы на льду. Он был в курсе всех трудностей, с которыми сталкивались строители дороги через былинное русское озеро с капризным нравом. На южном берегу Ладоги уже стояли немецкие дальнобойные батареи, в северной части хозяйничали белофинны, единственно возможной полосой для коммуникации оставалась неширокая полоса между западным и восточным берегом озера. А там не было ни портов, ни подъездных дорог. И помимо тридцатикилометровой дороги по льду водителям предстоял двухсоткилометровый путь по непроезжим дорогам в лесных чащах и болотах, по льду каналов. Книга насыщена деталями: тридцатиградусные морозы и многодневные метели суровой зимы 1941—1942 годов, незамерзающие трещины на девятом и седьмом километрах трассы; весенняя распутица 1942-го; летняя навигация 1942-го; мягкая зима 1942—1943 годов. И бесконечные бомбежки и артобстрелы портов и караванов.

Цифры и факты: неслыханно скоростные стройки — перевалочные базы, склады, подъезды к ним; потоки грузов в Ленинград и из Ленинграда, эвакуация людей. И ито- ги этой невообразимой работы, и самый главный тот, что с 24 января 1942 года в го- роде увеличили хлебные нормы. По книге А. Сапарова можно сверять даты свершений тех лет. Современные боевики и фантастические кинофильмы бледнеют в сравнении с тем, что делали голодные ослабленные люди. Водители и ладожские водники, дорож- ники и ремонтники, регулировщики и связисты, трактористы и грейдеристы, склад- ские рабочие, медики. Они стояли «до последней возможности»: до потери соз- нания или смерти. Спасали людей, провалившиеся в трещины машины, грузы, спешили на выручку друг другу. Проявляли смекалку. Так, в ночь на 14 января 1942 года из Ленинграда перебросили танки «КВ» весом свыше 50 тонн каждый, такой танк не всякая грунтовая дорога выдержит: придумали — снять башни и вез- ти на прицепах, а трещины перепрыгивать. «Величественная картина обороны Ле- нинграда состояла из таких вот на первый взгляд маленьких, но героических дел и поступков людских», — пишет А. Сапаров. И рассказывает о подвигах тружеников «Дороги жизни», о том, чему свидетелем был он сам или слышал от участников со- бытий. Бой у стратегически важного островка Сухо, когда маленький гарнизон и один тральщик до подхода наших судов и самолетов под бомбы с вражеских самолетов врукопашную отбивали атаку немецкого десанта. Смерть от ранения старого реч- ника Архипова, начальника порта Кобоны, его последние слова окружившим его грузчикам: «Оставьте меня. Идите работать...» Последний «ледовый» рейс весны 1942 года: на перевалочную базу прибыли три вагона лука, но лед уже не выдержи- вал машин, лошади в воду не шли, и водители два дня переносили «витамины для ленинградцев» на себе. «...Пробежит вереница лет, сотрется острота событий, и, быть может, через несколько десятилетий, изучая героическую оборону Ленинграда, историк в недоумении спросит себя: как это было возможно? Пожелтевшие от времени карты и оперативные сводки будут лежать перед ним, бесстрастно пове- ствуют о славных делах минувших дней. Но ученому захочется познать дух людей того неповторимого времени. Тогда он начнет искать факты, отдельные, разоб- щенные факты, которые, подобно простой капле воды, отражающей в себе целый океан, помогают почувствовать движущую силу грандиозных событий». Повество- вание ведется в сдержанном, почти протокольном тоне, что усиливает впечатление подлинности событий, как и многочисленные фотографии, которыми иллюстриро- вана книга. Приводятся стихи и песни, рожденные на Ладоге. «Пусть ветер расска- жет, // Как пели моторы, // Как мчались мы // Только вперед, // Как черные фри- цы, // Убийцы и воры, // Бомбили // Накатанный лед». У этой книги трудная судьба: она подвергалась цензуре, второе издание изъяли уже напечатанным, вопрос сто- ял об аресте автора («ленинградское дело»). Последний раз она переиздавалась в 1968 году. Сегодня она воспринимается и как книга об общей истории народов некогда огромной страны: на Ладоге работали люди из всех уголков СССР, в дале- кой Сибири крестьянки готовили для ленинградцев пельмени, в Узбекистане кол- хозники забивали своих лучших баранов, из Казахстана осажденному Ленинграду слали урюк, из Грузии мандарины.

Валерий Попов. От Пушкина к Бродскому. Путеводитель по литературному Петербургу. СПб.: Страта, 2016. — 198 с. («Книжная Лавка Писателей»).

По количеству литературных гениев, населявших Петербург в разные време- на, нашему городу нет равных, уверен писатель Валерий Попов. «Понятие „гений

места“, обозначающее стечение таинственных обстоятельств, притягивающих будущих гениев или их порождающих, относится к нашему городу в высшей степени. Почему Пушкин, родившийся в Москве, засиял в Петербурге? А почему Лермонтов приехал сюда? А Гоголь? Отчасти понятно — столица. Петербург был столицей тогда. Но и сейчас притяжение остается!» У писателя свое объяснение этому феномену: «Наш город манит простором, свободой, легким дыханием, он не давит, дает развернуться и глубоко вздохнуть. Вот почему столько гениев оказалось здесь. И Петербург, как никакой другой город в мире, сохранил присутствие гениев, словно они только что прошли здесь, и ничего еще не успело измениться». Для писателя в пространстве города на Неве, в его центральной части (старый Петербург) прошлое и настоящее едины. На тротуаре Невского можно увидеть следы только что приехавшего в столицу молодого Гоголя, Гоголя-щеголя, а памятник ему на Малой Конюшенной улице установлен совсем недавно. В одном из доходных домов, примыкающем к Голландской церкви, жил Геккерен, вошедший в историю тем, что погубил Пушкина, а спустя чуть меньше века в этом доме же обитал Ленка Пантелеев, не писатель, нет, а знаменитый грабитель, блиставший в Питере в двадцатые годы XX столетия. На пересечении Фонтанки с Невским, на Аничковом мосту встречаются Бунин и Достоевский, отсюда видны и Книжная лавка, и студенческая публичная библиотека — бывший Екатерининский институт для благородных девиц. А еще — дворцы, Аничков и Белосельских-Белозерских. Дворцы Невского нечто особенное, «каждый из них — цветник талантов, прибежище муз, привлеченных сюда не просто богатым, но и даровитым чутким хозяином». «Невский наполнен гениями!» — восклицает В. Попов и, следуя от Аничкова моста к Адмиралтейству, погружается в богатую историю домов Невского и их обитателей. Вот Публичная библиотека, где служил Крылов, а рядом памятник великой императрице, «памятник тем временам, когда цари и поэты обожали друг друга, как Державин и Екатерина II». Дом Зингера, где с двадцатых годов XX века располагались самые лучшие издательства и по лестницам и этажам бежали еще молодые и красивые Алексей Толстой, Маршак, Шварц, Заболоцкий, Зощенко, Хармс... От прежней его богатой литературной истории остался лишь книжный магазин Дом книги. Роковой перекресток у Зеленого моста, с которым связаны главные моменты жизни и смерти Пушкина. Дом № 13, где живет сам автор, и где после возвращения в Россию уже в 1988 году обитала подруга Гумилева Ирина Одоевцева, и состоялась «смычка современности с Серебряным веком». Знаменитый дом № 15, где после революции располагался Дом искусств, находили приют оголодавшие литераторы и художники, а в 1921 году был арестован Николай Гумилев. Или дом № 3. Долгие десятилетия в нем находилась редакция журнала «Нева», и в перестроечные времена, когда все уже зависело не от системы, а от отдельных людей, совершил в своем журнале литературный переворот его главный редактор Борис Никольский, печатая остросовременные произведения и те, что долгие десятилетия были недоступны советскому читателю. Да, прав В. Попов, заявляя: «Невский литературен до самого конца», как прав и Гоголь, некогда заявивший: «Нет ничего лучше Невского проспекта!» По-прежнему здесь отражается все самое главное в нашем городе. Но «лучшее место на земле (и так думают не только петербуржцы) — это стрелка Васильевского острова в белую ночь», когда «все великое, гениальное, что стоит сейчас у тебя пред глазами, кажется простым, доступным, своим». Садовая, Сенная площадь. Фонтанка, Большая и Малая Морские, Литейная часть, Петроградская сторона... Знаковые места Петербурга—Ленинграда: дома писателей, Дом кино, Дом радио, «Ленфильм», знаменитый Фонтанный дом, где жила Ахматова. Дом на Карповке —

огромный, конструктивистский дом, на заре советской юности построенный для людей будущего. Дом по каналу Грибоедова, 9, полный когда-то литературной жизни, выстроенный специально для советских писателей. Невозможно перечислить всех, о ком рассказывает В. Попов: указатель имен занял бы еще половину от этой книги. Судьбы, яркие эпизоды, емкие характеристики, злободневные суждения. В. Попов убежден: хранить надо не только древнюю историю, но и ту, при которой мы жили. И с юмором рассказывает о бомонде в Доме кино, о студенческих кутежах в гостинице «Европейской» во времена вольности и разгула, в середине шестидесятых. И о бурной жизни своих коллег и своей собственной в Доме писателя на улице Воинова (ныне Шпалерной), где в ресторане нередко пересекались пути писателей и служителей соседнего Большого дома. «Тот тесный, дымный, пахучий гвалт, то варево, в котором варилась тогда литература, сменилось теперь холодным свечением компьютеров, сухой скудостью электронной почты. Поэтому и литература так суха и скудна. А тогда...» Дом сгорел вместе с прошлой жизнью. В. Попов свободно переносится из Петербурга в Ленинград и снова в Санкт-Петербург сегодняшний, собирая вместе у родных пенатов «гениев мест» разных эпох.

Евгений Лесин. Лесин и немедленно выпил. М.: РИПОЛ классик, 2016. — 240 с. (Лидеры мнений).

Главный герой книги — писатель Венедикт Ерофеев (1938–1990), самый любимый русский писатель поэта и журналиста Евгения Лесина. «Писатель Венедикт Ерофеев не оставил после себя значительного „творческого наследия“. По большому счету, он, как и многие писатели „второго ряда“, „прозванные гении“ etc., является автором одной-единственной книжки. Другое дело, что „Москва — Петушки“, вероятно, много лучше целого ряда собраний сочинений самых знаменитых классиков XX века — от Алексея Толстого и Леонида Андреева до Александра Солженицына и Виктора Пелевина. Что, кстати, нисколько не умаляет ни одной из заслуг ни одного из последних. Просто в одной маленькой повести (перед нами, разумеется, поэма, но все равно — повесть о настоящем маленьком человеке) Ерофеев сумел сконцентрировать все то, что другим приходилось размазывать чуть ли не по всему Красному Колесу. Венедикт Ерофеев никогда не станет настоящим классиком русской литературы, но войдет во все антологии: его место рядом с Козьмой Прутковым, Юрием Олешей и Олегом Григорьевым». Поэма «Москва—Петушки» (1970), по мнению Е. Лесина, отдельный жанр русской литературы XX века, который так и называется «Москва—Петушки». Евгений Лесин — профессиональный критик: он работал и в газете «Книжное обозрение», и в «Независимой газете», он — ответственный редактор литературного приложения к «Независимой газете» «НГ Ex libris». По долгу службы ему приходится много читать и писать, и большая часть представленных текстов была опубликована ранее в разных изданиях. В первой части книги эти разрозненные тексты, а также вымышленные интервью и беседы с любимым писателем складываются в оригинальную, предстающую в ожидаемых и неожиданных аспектах картину жизни и творчества Венедикта Ерофеева и времени, в которое он жил. Конечно, Венечка Ерофеев не единственный пример пьющего персонажа, а Венедикт Ерофеев не единственный пример выпивающего писателя в русской литературе. Поэтому и проблеме пьянства в России: феномен это или заурадное явление; значение качества выпивки; мнения психологов —

уделено должное внимание. Даже филологу ясно, считает Е. Лесин, что Венедикта Ерофеева необходимо комментировать, но всегда ли даже авторитетные комментаторы объективны? Автор собрал отзывы о В. Ерофееве, дал оценки его «литературным детям»: Лимонову, Яркевичу, Вл. Сорокину, Юзу Алешковскому. Он проследил жизнь и судьбу ерофеевских персонажей, реконструировал путь следования Венечки Ерофеева от Савеловского вокзала до Курского, ответил на вопрос: доехал ли Венечка до Петушков? Ряд статей написан к юбилейным датам В. Ерофеева, «юбилей — время вспомнить и почитать» и, как следствие, выявить глубинные связи. Например, между произведениями В. Ерофеева и автора «Незнайки» и «Мишкиной каши» Николая Носова, утопиями Томаса Мора и творениями Франсуа Рабле. Или провести параллели между творчеством и писательской судьбой Андрея Платонова и Венедикта Ерофеева: «Ерофеев и Платонов все же очень разные писатели, и лишь герои их — будто родственники, будто жители одной той же страны». Объединяла их и тема сиротства, «определяющая у Платонова и нечуждая и Ерофееву». Кроме того, оба любили свою страну, свой народ и свою власть. Потому что «человеку, ощущающему себя сиротой, а особенно человеку, чувствующему сиротами своих персонажей, некого больше любить, кроме собственного народа и государства». Но любили без взаимности со стороны власти. «Причина тут очень проста: никакая власть никогда не поверит, что ее могут любить бескорыстно». А Ерофеева, по мнению автора, не устраивали в советской власти только запрет на скитальчество и неуважение к слову. Не любил он и диссидентов, с его точки зрения, они слишком немзыкально любили родину, а для Ерофеева любовь к родине была чувством интимным. Так что еще одной сквозной темой очерков является тема времени, в которое жил В. Ерофеев. Вторая часть книги посвящена писателям второго ряда. «Отчасти — но лишь отчасти — они про алкоголиков или тех, кто пишет про алкоголиков. Отчасти — но тоже лишь отчасти — они про разных отщепенцев, маргиналов, тех, кому не повезло ни при жизни, ни после. Скорее же всего, они — просто про тех, кто по тем или иным причинам мне слишком близок и важен. Поэтому здесь есть и Аркадий Северный (не писатель), и маркиз де Сад (не алкоголик). И три главных моих поэта — Николай Олейников, Николай Глазков, Олег Григорьев. Из них только Григорьев, кажется, сильно выпивал. Или вот Щуплов, Бек, Немиров. Чистые же воспоминания, но, думаю, здесь уместны. А если и неуместны, все равно, не могу не пометить. Короче, и др.». А в заключение книги приложен авторский путеводитель по московским кабакам, большинство из которых снесли, закрыли, уничтожили, но вкусные и невкусные, неаппетитные подробности былых походов живы в памяти автора и перекликаются с вечной темой «пития».

Збигнев Херберт. Лабиринт у моря: Очерки. Пер. с польск. А. Нехая. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 352 с.

Греция, родина мифов, страна, где время измеряется тысячелетиями. Загадки Крита: лабиринт — то ли дворец критских царей, то ли город смерти, огромное кладбище; миф о минотавре и религиозные верования минойцев, причина гибели минойской цивилизации. Когда-то многозлатые Микены и взаимосвязи культуры древнего Востока и «греческого чуда». Спарта, уже не вызывающий эстетических переживаний провинциальный городок. Олимпия и тайные смыслы олимпийских игр древних. Старейшие святилища Греции: Дельфы — святилище Аполлона,

остров Делос — место рождения Аполлона и Артемиды, пещера Зевса на Крите — темная колыбель новой мировой религии. Археологические и архитектурные памятники, древние артефакты и произведения искусства — среди которых, увы, много позднейших поделок («реконструкций»), вызывающих состояние эстетического стыда. Как, например, выполненные в начале XX века в Кносском дворце фантазии швейцарского художника Жильерона на тему критских фресок, что фигурируют в учебниках истории искусства в качестве оригиналов. Или экспонаты музея в Ираклионе, — «так, как если бы в найденные фрагменты какой-нибудь древней поэмы кто-то вписал свои слова». И знаменитый Акрополь, который сегодня мы видим совсем не таким, каким его видели жители древних Афин: «И, касаясь взглядом его ран и увечий, я испытывал чувство, в котором восхищение мешалось с жалостью». Один из крупнейших польских поэтов второй половины XX века Збигнев Херберт (1924—1988) — великолепный мастер описания пейзажей, объектов материальной культуры, шедевров архитектуры, скульптуры и живописи, непревзойденный эссеист. Греческий пейзаж говорит с ним на патетическом языке мифов и трагедий. В старых фресках он умеет увидеть красоту молодости, может разгадать замыслы критских художников, медиумов, передававших проплывающий через них поток красочного мира; любуясь Парфеноном, постичь секреты античной архитектуры: сложную игру искривленных линий. Обращаясь к истокам европейской культуры, З. Херберт выступает и как тонкий философ, и как прозорливый историк искусств, и как много знающий историк в целом. Он погружается в эпоху мрачных войн и политических интриг века Перикла в Греции, прослеживает историю Акрополя от древности до наших дней — трагедию утрат, большинство из которых пришлось на XVII век, на время турецко-венецианских войн. Именно тогда были разрушены древние храмы, окончательный разгром учинил милорд Эльджин, сумевший в начале XIX века вывезти в Англию греческие древности, фактически все, что уцелело от Парфенона: фрагменты фронтона, метопы, барельефы фриза. Огромная коллекция и ныне находится в Британском музее. З. Херберт подробно освещает историю открытия на рубеже XIX—XX веков, казалось бы, навсегда канувшей в Лету минойской цивилизации (дворца в Кноссе) и судьбу ее первооткрывателя Артура Эванса. (Авантюрный Эванс так отважно вязывался в гушу балканских проблем, что был даже арестован по обвинению в шпионаже в пользу России.) З. Херберт возвращает голос великим немой истории — тем народам, которым не повезло в их прошлом, в данной книге это этруски, таинственная цивилизация Средиземноморья, предшественница римлян: «надо отправить Рема и Ромула вместе с их кормилицей в музей, где хранятся мифы, сказать четко, что настоящими творцами Рима были этруски». И из разрозненных фрагментов, сохранившихся в трудах историков Римской империи, пишет хронику пребывания римлян в Британии (конец августа 55 года до н. э. — начало V века). При жизни автора эта книга не была напечатана, поскольку Херберт был политэмигрантом и властителем дум польской оппозиции, впервые она опубликована на родине поэта лишь в 2000 году. Редкий по красоте текст (здесь есть и заслуга переводчика), информативная насыщенность и — удивительная актуальность. Драмы древних памятников возвращают нас в наше время: утраты культурных ценностей, виной которым войны и небрежение, невосстановимы. И как следствие: «Один из смертных грехов современной культуры заключается в ее малодушном стремлении избежать прямого столкновения с наивысшими ценностями. А также в чванливой убежденности в том, что можно обойтись без образцов (как эстетических, так и моральных), поскольку наше положение в мире якобы исключительно и ни с чем не сравнимо. Именно поэтому мы отвергаем помощь традиций, забредаем в свое одиночество, копаемся в темных закоулках своей заброшенной души».

Ольга Елисеева. Григорий Потемкин. 3-е изд. М: Молодая гвардия, 2016. — 665 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей. Вып. 1603).

Враги называли его сибаритом, ленивым, капризным и мстительным временщиком, бездарным полководцем и казнокрадом. Почитатели — великим государственным мужем и военачальником. Ближайшие потомки современников Григория Потемкина множили доставшиеся им в наследство разнообразные слухи и легенды. Например, тот, что Потемкин был выскочкой из захудалого рода, как тогда говорили, парвеню, хотя на деле он принадлежал к старинному дворянскому семейству, перебравшемуся из Польши в Россию еще в XV веке и для представителей которого служба государю в течение нескольких веков являлась жизненным стержнем. Так кто же герой этой книги? Человек, чей, как пишет О. Елисеева, «неповторимый характер, на первый взгляд сотканный из противоречий, а в основе своей удивительно цельный; его дела, столь грандиозные, что современники порой видели в них феерию, — все стало предметом толкования, слухов, сплетен, романтических историй, политических памфлетов и в меньшей степени — научного исследования?» Злой гений, баловень судьбы, случаем вознесенный на олимп, или выдающаяся личность, блестящий администратор и полководец? Уже при жизни светлейшего предпринимались попытки осмыслить громаду совершенных им дел. На протяжении двух последующих веков появилось немало работ, в которых авторы давали крайне противоречивые оценки его деятельности. И все-таки монография Ольги Елисеевой, специалиста по истории XVIII века, — первая отечественная научная биография «великолепного князя Таврического». О. Елисеева считает, что главную причину, по которой общество не оценило труды и заслуги Потемкина, точно нащупал Ф. Вигель, один из наиболее ядовитых и наблюдательных мемуаристов начала XIX века. «В своей карьере он отдал все лучшие силы государственной деятельности, — писал литератор. — Мог ли он рассчитывать на общественное признание?» Один из наиболее устойчивых мифов русской культуры — миф о «потемкинских деревнях», порожденный по следам знаменитого путешествия Екатерины II в Крым в 1787 году. О. Елисеева обращается к авторитету ленинградского академика А. Панченко, доказавшего, что миф этот родился в среде сопровождавших Екатерину посланников европейских держав, напуганных грандиозными планами России. А что же скрывалось за пышно декорированными придворными — дань куртуазному веку — мероприятиями? На месте прежней пустыни, служившей путем для набегов крымцев, через каждые 20—30 верст появились реальные деревни, а на завершающем этапе в бухте Черного моря, на новом Севастопольском рейде путешественников встретила эскадра в 15 больших и 20 мелких судов. Эта книга — подробный, основанный на документах рассказ об исполинской деятельности Потемкина: военной, административной, политической, дипломатической, той, что обеспечила цивилизаторские успехи России. Это и присоединение Крыма, создание Черноморского флота, освоение южных земель, закладка городов в голой степи, в считанные годы зазеленевших садами, разведение лесов и виноградников, поощрение шелководства, учреждение школ, фабрик, типографий, корабельных верфей. Это и реформы флота и армии, и малой кровью взятые крепости Очаков и Бендеры, и продвижение российских долгосрочных интересов в Молдавии, и с блеском реализованные внешнеполитические проекты. Но еще в большей степени это рассказ о екатерининской эпохе, о времени, который ныне принято называть куртуазным, о веке, который сама Екатерина II называла «железным». Реальная политика и ее тайные механизмы,

великие замыслы и их осуществление, подоплека придворных интриг и дипломатических столкновений, кровавые битвы второй русско-турецкой войны, победы и освоение новых пространств, захватывающие любовные истории, отношения всесильного фаворита с Екатериной и с современниками. Ольга Елисеева хотела показать человека умного, глубокого, наделенного многими талантами, не лишённого недостатков, горячо преданного делу и умевшего добиваться реального воплощения своих идей. «Если после знакомства с книгой масштаб реальной личности Потемкина затмит в сознании читателя карикатурный образ, знакомый по бульварной литературе, мы будем считать свою цель достигнутой». Затмит. И научит уважать свершения предков.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06 www.lavkapisateley.spb.ru)